18+

Владимир Органов

Вторая весна

Раздеться до чувств

Владимир Органов

Вторая весна. Раздеться до чувств

«Издательские решения»

Органов В.

Вторая весна. Раздеться до чувств / В. Органов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-682936-7

Когда мы обнажаем тело, мы на самом деле начинаем раздевать сознание. Снимаем не одежду — а усталость от притворства, слой за слоем освобождаем себя от того, что мешает быть честными перед собой и перед тем, кого любим. В этом смысле нагота — это не жест против приличий, а шаг к искренности.Для многих пар вторая весна начинается не с путешествия или перемен, а с внутреннего решения — позволить себе быть другими, выйти из привычного сценария.

ISBN 978-5-00-682936-7

© Органов В.
© Издательские решения

Содержание

Вторая весна 6
Глава первая: Уютный дом 6
Из книги Ирины Ф. «Раздеться до чувства» 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Вторая весна
Раздеться до чувств

Владимир Органов

Дизайнер обложки Орг_бюро
Иллюстратор ИИ Org_buro

© Владимир Органов, 2025
© Орг_бюро, дизайн обложки, 2025
© ИИ Org_buro, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0068-2936-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вторая весна
Роман о свободе и любви
с комментариями и пояснениями

Глава первая: Уютный дом

В субботу будильник не звонил – не нужно было спешить на работу, но Ирина всё равно проснулась рано, как будто внутри осталась пружина, заведённая годами её регулярных. ранних подъёмов. Свет за окном был тусклым, почти серебристым – летний рассвет в Германии серо-белый, как молоко в фарфоровой чашке. Ни тепла, ни цвета. Ни намёка на теплый день впереди. Только тишина и воздух, в котором всё ещё дрожит тень всеобщего сна.

На полу почти аккуратная небрежность вчерашнего вечера: их брошенная одежда, все еще ею не дочитанная книжка, очки, зарядка так не подключенная к телефону. Всё, как и должно быть утром в субботу. Ни звука.

Внизу, на кухне тоже тишина. Даже холодильник будто уснул. Может стоит спуститься и начать готовить завтрак. Когда выбираешься из постели и идешь босиком, то полы кажутся слишком прохладным для лета.

Ирина подошла к окну. На подоконнике – стекло с каплями росы. За стеклом – знакомая пустая улица, черепичные крыши, балконы, фасады. Голуби, как всегда, сидят вдоль карниза. Ни одного человека. Припаркованы машины. Всё – привычное и совершенно правильное. Слишком привычное. Слишком правильное.

Она приоткрыла окно. Вдохнула. Было свежо. Не приятно – а именно холодно. Свежесть без удовольствия, как вынужденное обливание холодной водой. И вдруг – пустота. Не тревога даже. Что-то глуше. Как будто не хватает звука. Или запаха, привкуса чего-то такого. Или… просто вкуса жизни?

Она вспомнила, как Андрей вчера посмотрел на неё. Когда она голой вышла из душа, бросив небрежно полотенце на вешалку. Как его взгляд задержался. Не случайно, не мимоходом, так как будто увидел не свою усталую жену, а интересную женщину. Женщину, которую он хочет.

А если…, возможно ли…, стоит ли… Вот так заново начать то, что ей уже давно казалось потерянным. Ведь у него похоже немного получилось, как будто что-то вернулось в его взгляде на неё – что-то, чего не было уже давно. Что-то не обыденно-семейное, не дежурное. Он же посмотрел так, как мужчина смотрит на женщину, а не жену, не привычного спутника своего быта. Этот взгляд был на ту женщину, которую он хочет. Это было мимолётно, но она явно почувствовала это вчера. И немного даже испугалась, не за него за себя, и тут же прогнала все эти мысли – слишком хотелось спать. Даже не спать а провалиться и лежать. Но сейчас – то ощущение к ней вернулось. Как зов, как импульс. Что, если всё можно начать заново? Или – не «заново», а по-настоящему? Просто вернуть обоим состояние любви, которое можно снова разжечь. Вчера она спряталась от этого под одеялом поспешно натянув свою майку, что служила ей ночнушкой, но трусики. Что-то её остановило. И теперь она стояла у окна в одной лишь майке.

Что, если пробуждение не должно исходить только от него? Что, если ей не ждать, пока он захочет её? Может просто – взять и стать той собой. Той, которую он любил когда-то. Или ещё не любил. Но хотел бы. Женщиной. Теплом. Телом. Открытой. Уязвимой. Свободной и сильной одновременно. Она зашла в ванную. Посмотрела на себя в зеркало. Лицо – да, немного уставшее. Но глаза… глаза не хотели притворяться. Сбросила с плеч майку в которой она спала. Осталась полностью голой. Она посмотрела на себя без оценки, просто так, как есть. Она жива и она женщина. Женщина, которая ещё хочет счастья.

Ирина вышла в коридор. Легкий сквозняк коснулся тела, спустилась вниз с первого этажа, который вовсе не должен быть первым, но в Германии с ними лишь по началу путаница, потом привыкаешь. Первый этаж здесь называют Erdgeschoss или земляной этаж, а второй – первым. Эти казалось бы, мелочь, незначительная разница в обозначениях, но к таким вещам удивительно быстро привыкаешь, как и к прочим другим немецким особенностям: к четырём раздельным контейнером для сортировки мусора, к полной тишине по воскресеньям, когда улицы вымирают и даже птицы словно понижают голос, к тому, что здесь почти всё – по правилам, всё по графику, и всё имеет своё место.

На кухне она взяла чашку. Заварила чай. Стояла, обнажённая, в ожидании, пока чай немного не настоится.

Она прошла по прохладной плитке и перешла на другую сторону их Reihenhaus – вытянутого таунхауса, слепленных домиков по бокам. Она вышла в их маленький внутренний дворик, скрытый от посторонних глаз забором и плотно посаженными живыми изгородями, которые с годами только становись гуще, и теперь хорошо скрывали дворики друг от друга. Она

вышла наверно в первый раз, вот так – как есть, без одежды, не неся с собой ни оправданий, ни извечного стыда наготы.

Утро было ещё ранним, солнце только начинало медленно подниматься над крышами домов, и хотя воздух ещё не прогрелся, в нём не чувствовалось ни холода, ни утренней сырости – лишь лёгкое, почти летнее дуновение касалось кожи, как напоминание о том, что лето ещё впереди.

Ирина села в влажное кресло у веранды, не думая, не колеблясь, не анализируя пока что происходит с ней и с этим утром. Просто опустилась и замерла, словно позволила себе, впервые за долгое время, быть в полном покое.

Она была без одежды. И – без заботы. Без вечного внутреннего монолога о долге, о правилах, о жизненных целях. Без привычной череды мыслей, которые обычно преследуют с самого утра и не умолкают до самого сна.

Никто её не видел и она знала это. Соседи, если и проснулись, вряд ли бы стали вглядываться сквозь свои плотные шторы, да и что можно увидеть, было разве лишь фигуру, едва различимую. И всё же внутри оставалась дрожь – не от холода, не от страха быть обнаруженной, а от чего-то другого, более тонкого.

Это было не тревога, не чувство опасности, не боязнь. Скорее – лёгкое, тонкое волнение, как будто она сделала что-то запретное не по неким правилам, а по обычаю ее жизненного уклада. Что-то, чего она сама от себя не ждала. Как будто она внезапно вышла из привычной роли – роли разумной женщины за сорок, роли, которую она играла почти неосознанно, по инерции, по странной привычной необходимости.

Сейчас же, сидя здесь, под открытым небом, освещённая мягким светом рассвета, она ощущала себя просто телом. Просто женщиной. Просто собой.

В ее душе зарождалось нечто похожее на восторг – не бурный, не ликующий, а тихий, как первая улыбка после долгого одинокого молчания. Она посмотрела на свои колени, на ступни, на руки, лежащие спокойно на подлокотниках, на живот, на грудь, чуть уже расцвеченную утренним светом – и почувствовала, что внутри неё зарождается тёплое чувство свободы, тишины и покоя. И будто бы – обещание чего-то нового, свежего, чего-то, что вот вот произойдет с ней, в чём бы она не играла приевшуюся роль, а была бы настоящей. До конца.

Она прошлась босиком по своему дворику, нагишом, босиком, ощущая под ступнями прохладную мокрую траву своего газона. Было рано, мир ещё не проснулся, и в этом утреннем безмолвии ей вдруг захотелось большего – выйти на другой стороне дома, через привычную входную дверь, просто выйти вот так на улицу, шагнуть в мир совсем голой, пройтись, побежать лишь только в одних кроссовках и ничего больше.

До лесного массива отсюда совсем недалеко. Всего ничего – пересечь поле, проскользнуть мимо зарослей ежевики, мимо больших каштанов, свернуть на тропинку, что уходит в лес, и дальше – к озёрам или, может быть, к реке.

Это было безумное намерение, но оно дало ей всего лишь лёгкий намек, некий толчок внутри, как будто кто-то и вовсе не она. Кто-то безумно смелая, что сегодня проснулась и подсказала ей: «А что, если просто выйти так? Голой. Сейчас. На улицу».

Сначала мысль показалась ей смешной. Слишком безумной. Но в этом безумии было что-то пьянящее, разрушающее усталую ткань привычного. Она даже не пошевелилась, но внутри уже началось движение – мурашки по спине, лёгкий жар в груди, предвкушение дикого озорства, жизни полной и свободной.

Она закрыла глаза и представила, как без суеты, будто бы это не выход в неизвестность, а что-то давно знакомое, как она на мгновение замирает у двери, прислушивается к тишине на улице, чувствует пульс в висках. Щелчок замка. Ручка дрожит под пальцами. Приоткрытая дверь, взгляд на улицу через неё. Замирание. Первый шаг. Асфальт ещё влажный, тени

от домов ложится поперёк улицы. Она идёт, бежит – не быстро и не медленно, как во сне. Уверенно и так уязвимо, и так бесконечно прекрасно.

Ветер касается её кожи как живое существо. Не просто дуновение, а почти ласка. Где-то поёт птица – одна, потом другая. И этот щебет вдруг кажется невероятно громким, словно мир стал прозрачным, как стекло, и звуки обнажились вместе с ней.

Она чувствует, как дрожит живот – не от холода, а от свободы. От легкой опасности. Может, кто-то видит. Может, никто. Это ей совершенно неважно.

Она пробегает первый поворот. Тропинка теперь скользит под ногами, воздух звенит в ушах, как в детстве, когда бежишь с горки и не знаешь – упадёшь или взлетишь. Это не реальность, это как музыка внутри, почти оркестр.

И в этом воображаемом беге, в этом полёте – она вдруг понимает: она ведь это может, что это вполне возможно. Не обязательно сегодня. Не обязательно вот так всерьёз. Но мысль уже поселилась в её сознание, и теперь живёт в ней. Мысль такой свободы засела в ней укромно и будет жить в ней. Она немного притихла и чуть шевелится, но уже ищет момент, когда это произойдет.

Её кожа теперь даже знает от прикосновение ветра, которого ещё даже не было.

Она вернулась в кухню, всё ещё в своем наряде Евы без каких-либо фиговых листочков, с кружкой остывшего недопитого чая в руках. Простые утренние дела – это якорь в обыденности, как возвращение в привычный ритм. Только этот ритм был теперь другим, совсем новым. И нужно просто приготовить завтрак нового дня.

И пять минут не прошло, как ожила её кухня привычными звуками утренней суеты, как в кухню вошёл Андрей. В старых своих хлопчатобумажных трусах, натягивающий на себя домашнюю футболку. Он зевнул, как всегда по-утреннему лениво, почесал затылок, и вдруг – замер.

Он остановился в проёме, взгляд его задержался на ней, как будто впервые, совсем как вчера. И не потому, что она была совершенно голой без одежды. А скорее увидев, как она стояла, как она держалась теперь. Её тело. И не как женщина, случайно забывшая надеть халат и застигнутая так, а как женщина, которая сама выбрала для себя оставаться совершенно голой. Как женщина, которая полностью осознает, что она – безумно прекрасна.

Сначала в его глазах мелькнуло удивление. Честное, детское. Потом лёгкая усмешка, затем пауза. Не неловкость, а словно время на вдох. И лишь затем – улыбка. Тихая, неспешная, как восход солнца над горами. Без пошлых слов восхищения, просто полное восторженное одобрение. Признание её смелости. Радость от её восхитительного поступка.

– Ты… что, решила быть богиней прямо с утра?

Она обернулась, спокойно, с улыбкой в глазах.

– Я просто устала быть кем-то иной. Устала чему-то соответствовать. И просто устала одеваться. Я решила сегодня. Теперь – только так. Только так, как я хочу. А тебе как это?

Он подошёл ближе. Обнял. Его ладони скользнули по её спине, по плечам, снова по спине, по ягодицам – не жадно, не с намерением, а будто с благодарностью за то, что она есть. Тёплая, живая, настоящая по новому и по старому.

– Хочешь… – прошептал он ей в волосы, – прямо сейчас займёмся любовью?

Она чуть отстранилась. Смотрела в его глаза, как будто разглядывала его из нового, непривычного мира.

– Хочу всегда тебя… но давай отложим немножко. Дотерпишь до вечера? Я думаю, что иначе нас тут же потянет в нашу жизнь по привычке: помыться, одеться, прибраться, включиться в бытовые проблемы. А я… я хочу остаться такой сегодня на весь день. Безумной, беззащитной, слабой, сильной и прекрасной.

Он кивнул, медленно, будто соглашался не только с её словами, но с целым новым её и его жизненным состоянием, к которому они сейчас подошли.

– Я как ты! Я готов всегда. Только скажи. А пока… – он взглянул на свою футболку, потом – на неё. Улыбнулся. – Всё это, пожалуй, нужно запихнуть в стирку.

Он стянул с себя майку и трусы и небрежно бросил их на пол. Стал рядом. Так же нагой. Так же спокойный.

И в кухне стало немного светлее. Не от солнца. От их обнаженных тел, открытых друг другу в полной смелости, в полной определенности. В желании отдать друг другу всё что является их абсолютной истиной, абсолютной правдой, любовью.

Они готовили себе завтрак – первый завтрак нового дня, новой главы. Они вместе накрывали на стол, немного неловко, словно всё происходящее всё ещё казалось игрой, хотя игра эта уже всерьёз.

Он немного ещё смущался своей новой роли Адама, то ли притворяясь, то ли действительно не зная, куда поставить чашку. Она же – почти сразу свыклась с тем, что стала его Евой. Не той, из иллюстрированной библии, а своей – с косичкой, заправленной за ухо, и лёгкой улыбкой, в которой было и принятие, и свобода.

Они смеялись, шутили, он дарил ей комплименты одно за другим – то восхищённо, то с игривой интонацией, словно снова был юношей, увидевшим в любимой женщине что-то новое, вдруг открывшееся ему заново. Она отшучивалась, иногда легко фыркая, иногда – принимая эти слова с чуть склонённой головой, как дар, в котором не было ни лести, ни расчёта. Было просто… приятно. Легко. Тепло.

И нисколько не стыдно за себя. Ни за то, как выглядишь, с чуть припухшими глазами после сна, ни за то, как неожиданно захотелось оставаться в этом утре дольше, не выходить из него, словно из воды, которая вдруг приняла тебя всего. Как будто всё – на своём месте. Даже это их нагота за завтраком, и это уже было абсолютно естественно.

Они даже не обсуждали эту тему, почему всё так сейчас получилось. Они просто говорили о своих делах, о том, что надо пересадить цветок в больший горшок, доделать полки в кладовке, почистить раковину. Их голые тела не мешали ни разговору, ни движению, ни взгляду. Новая их обыденность словно растворила в себе былую стыдливость, сделала её ненужной. Как будто их обнажённость не появилась внезапно, а существовала всегда – только раньше была спрятана под слоями ткани, приличий, привычек. Теперь же она стала формой новой ясности: тела говорили друг с другом так же, как говорили раньше только глаза.

Может быть, теперь, когда дети разъехались, когда дом снова стал только их – они просто вернулись к чему-то, что было когда-то не реализовано. А может, даже не вернулись, а впервые позволили себе жить иначе. Быть не просто вместе, а быть друг для друга. Без границ и без одежды, без того вечного страха показаться уязвимым. Всё сокровенное, всё интимное – теперь было общим. Не предметом обсуждения, а пространством их присутствия.

Не было нужды что-либо прятать, не было нужды оправдываться. Они смотрели друг на друга, готовя завтрак, потом за столом. Передавали друг другу тосты, масло, нож, чашки. И в этом простом, спокойном привычном действии сквозило что-то глубже – принятие, соединённость в нечто большее, полное и окончательное «я вижу тебя» и «я здесь с тобой».

Их обнажённость получилось не про тело. Оно оказалась – про свободу. Про любовь. Про то, что не нужно больше играть роли, маскироваться, быть только частью себя. Можно – быть всем. Полностью. Для него. Для неё. Для этого утра. И для всей новой жизни, которая теперь началась.

Они поднялись наверх в спальню, сняли простыни, наволочки с подушек, пододеяльник – цветастые, мятые, ещё тёплые от их сна. Две недели пора их в стирку. Постелили новую постель.

Андрей тянул один угол простыни, Ирина – другой, и ткань расправилась, словно парус, между ними. Он улыбнулся. Она, полуобернувшись, посмотрела на него – не просто взглядом хозяйки, а как будто в первый раз видела это: его обнажённые ноги, сухие, подвижные мышцы, тень живота, медленно двигающаяся грудная клетка.

– Бельё? – спросил он. – Да, всё в машинку. Постельное – и то, что в корзине.

Корзина стояла у стены в ванной, плетёная, пузатая, немного перекошенная. Он наклонился, достал оттуда футболки, её пижамные шорты, свое белье, её бесконечные трусики. Задержался, глядя на них, потом с лёгкой улыбкой произнес: – Тоже в стирку? – Конечно. Всё. И зачем вообще это всё?

Она сказала это, поднимая с пола его один носок. – Если можно ходить просто так… – Она выпрямилась и обвела себя рукой. – Как родились. И быть не менее настоящими. Даже больше.

Они спустились вниз с ворохом белья в корзине.

Он хмыкнул. – Ну, не совсем удобно ходить на работу в обнажённом виде. – Зато удобно стирать бельё, – ответила она. – А ещё удобно наблюдать за мной.

Он поставил корзину перед стиральной машиной. Она наклонилась, чтобы достать порошок с нижней полки. Он посмотрел на изгиб её спины, на прядь волос, упавшую на плечо, на мягкую линию бёдер, на грудь принявшую в её наклоне другую форму. Отвёл взгляд, но не сразу. Она это заметила. И не сказала ни слова.

– Ты смотришь на меня по-другому, – сказала она, засыпая порошок. – Особенно, когда я нагибаюсь. – Ты замечаешь это? – Конечно. Особенно теперь. В этом доме всё как будто… яснее.

Машина начала гудеть, заглатывая воду. Они оба смотрели на процесс её работы, будто в первый раз.

– Всё это… – она повела рукой, показывая на корзину, на сушилку, на стиральную машинку, – …всё такое смешное. Столько лет забот вокруг одежды, её подборов, «что с чем носить», «где мои носки», и всё это может стать не особо важным за одно утро. Оказывается, можно просто быть вот так.

Она повернулась к нему изобразив из себя толи манекенщицу, толи модель, что собственно было неважно, а он лишь кивнул, замерев взглядом на всем, что он мог увидеть – спокойно, открыто. – И смотреть не надоедает? – Нисколько! Это мы.

– Мы раздеваемся не чтобы играть, а чтобы жить, – сказала она почти шёпотом. – Это важнее.

Они постояли, послушали ещё немного, как машинка набирает обороты. Потом они принялись за Фикус, что давно просился в другой горшок, а они всё откладывали. Всё не могли решить, куда с ним – на террасу, в комнату, или в кухонный угол, где утренний свет был мягким и золотистым. А теперь решили просто: сначала пересадить, а потом уже решать.

– Думаю, во дворе будет проще, – сказала Ирина, придерживая черенок, чуть обернувшись к нему.

– Ты не боишься, что кто-то увидит? – спросил он, хотя в голосе не было ни страха, ни стеснения. – Те, что справа, в отпуске. А те, что слева – их вишня всё же как-то нас прикрывает. – То есть, ты хочешь сказать, что нас не видно. – Я хочу сказать, что даже если видно – пусть смотрят. Но они не смотрят. Они просто варят кофе. Или ругаются, как всегда. Или смотрят телевизор.

Во дворе двое голых людей, женщина и мужчина вытащили фикус из тесного пластмассового горшка и уже стояли рядом с новым – большим, глиняным, стоящим прямо у стены, во дворе. Земля была рыхлой, влажной. Андрей принёс ведро, совок и мешок с грунтом. Он держал растение за ствол, она подсыпала землю, их движения совпадали, как дыхание. Было странно и прекрасно – заниматься этим вот так, совсем голыми. Что-то полностью первобытное. Как будто они высаживали древо познания в Эдеме.

– Ну что, теперь ты будешь расти по-настоящему, – прошептала она фикусу и вдруг рассмеялась, посмотрев на Андрея.

Он смотрел на неё с тихим восторгом, не отрываясь. Она присела, раскрыв всю себя там, разведя широко колени. Комочки земли прилипли к её ногам, к бедрам, к груди. Волосы чуть сбились на лицо, и она провела рукой по лицу, оставив на щеке грязную полоску.

– Что? – спросила она, заметив его взгляд.

– Ты просто невозможная… – сказал он, но не закончил фразу. Его глаза сказали всё без слов: ты безумно красивая, дикая, счастливая, ты вся сияешь.

Она вдруг сорвалась с места, босиком, как девчонка, побежала по двору – к их яблоне, к забору, к самой дальней грядке. Смеялась, подпрыгивала, вздрагивала от прикосновений травы. Остановилась, обернулась. Он смотрел ей вслед, влюблённо, распахнуто. Его лицо светилось, ав них восторг, смущение, горящее желание её.

– Ну и чего стоишь? – крикнула она. – Полей меня!

Он включил шланг. Тёплая вода хлынула дугой. Она попала ей на грудь, на живот, на колени. Она взвизгнула, закрутилась на месте, как в детстве. Он направил струю в сторону, дал ей убежать, потом поймал вновь. Она визжала и хохотала, как будто вода была очень холодной – хотя это было теплое лето.

Она подбежала, вырвала у него шланг, развернула – теперь он весь в воде. Мокрая капля скатилась с его подбородка на грудь. Они оба были мокрые, блестели на солнце, как две вынырнувшие рыбы, сбежавшие с картинки.

– Сумасшедшая, – прошептал он, обняв её. Она прижалась мокрым телом к его телу, дыхание – горячее, живое. Он чувствовал, как стучит её сердце. Она смотрела в его глаза и знала: он помнит её такой навсегда.

Потом двое счастливых людей пошли развешивать бельё из машинки – всё ещё немного мокрые, но совершенно блаженные, без всякой позы или вызова, но с особым, новым вниманием друг к другу, желание быть все время рядом, чувствовать друг друга, наслаждаться, любоваться.

В кухне пахло луком, пылью и чем-то молочным – ещё не скисшим. Ирина открыла холодильник, задумчиво повела плечом, будто оценивая температуру воздуха, и наклонилась проверить ящик с овощами. Там лежал одинокий перец, вялый и чуть помятый, но ещё годный.

– Его в суп, – сказала она неуверенно.

Андрей как раз в это время откручивал сифон под раковиной. Ему было не слышно, но он кивнул. Просто так – в пространство, будто был связан с её фразой каким-то другим проводом. Ирина поставила кастрюлю на плиту и налила воду.

Потом подошла ближе и присела рядом с ним, заглядывая под раковину.

– Ну как?

– Немного капает. Сейчас подтяну. Видишь?

Он показал на каплю на трубе на изгибе внизу. Ирина кивнула. Потом тронула его за плечо, как бы подбадривая, но встала не сразу в очередной раз дала ему насладиться её видом.

Пока он заканчивал с раковиной, Ирина немного подмела на кухне. Затем ей захотелось протереть полки она достала лесенку и полезла наверх к кухонным полкам.

Он распрямился, увидев ее такой, усмехнулся. Потом обнял её за бедра, прижался щекой к ней, влажную от жары и уборки, и они молча постояли так минуту.

Они стояли, немного неловкие, но смеющиеся – смех помогал. Снятая одежда была уже позади, как сброшенные привычки, в перегрузке до самой первой версии, от самого рождения, когда голым входишь в этот мир. Они ещё не знали, как им можно стоять, как смотреть, как не смотреть, но уже знали – это возможно.

Ирина чувствовала, как её кожа касается воздуха, мягко, будто шелк и ветер одновременно. Она смотрела на Андрея – он был теперь рядом, находясь чуть в стороне, опустив привычно глаза, будто ещё не верил, что может просто смотреть, но всё же изредка находил в себе смелость и просто пожирал её своим взглядом.

Они оба были поражены – не друг другом, а тем, что можно быть собой, и это не больно, а прекрасно. Неловкость сменялась смехом, смех – движением. Они тянулись друг к другу, не чтобы прикрыть себя друг другом, а чтобы подтвердить осязанием – да, ты видишь меня, и я тебя вижу. И это их реальность.

И было в этом что-то невероятное, словно впервые в жизни они были настоящими. Без привычных заскорузлых ролей супругов, без декораций в одежды и бельё. Просто два человека рядом, любящие и преданные своей любви.

Андрей заметил, как у неё дрожит ключица, и захотел коснуться, не чтобы утешить – а чтобы сказать: «я тоже». А она заметила, как он дышит – медленно, но глубоко, будто вбирая в себя этот момент. Им не нужно было говорить, их взгляды были признанием, их позы – откровением, даже лёгкое движение руки к другому, которое будто просило: «давай останемся в этом ещё и ещё насколько сможем дольше».

Она мыла фрукты у раковины, и каждый её жест был почти предсказуем, как танец, выученный телом до автоматизма: яблоко – в ладонь, под тёплую струю, поворот, снова ладонь. Теперь – груша, теперь нож. Всё двигалось в своей медленной, тёплой механике. Кухня была наполнена мягким светом, пахло яблочной кожурой и чуть-чуть – губами Андрея. Половинки фруктов ложились на блюдо, глянцево-влажные, аккуратные, как кадры из фильма, где никто не торопится. Она вытерла руки о полотенце. На секунду в голове вспыхнуло: сад с яблонями. Она представила, как идёт по пыльной дороге – с корзиной спелых яблок, где-то на жарком юге, в полусне, в соломенной шляпе. И на ней – ничего. Ни белья. Ни стеснения. Ни причины. Только она и ветер.

Андрей помог развесить чистое бельё во дворе. Она сняла высохшее – аккуратно, прижимая к груди: простыня пахла домом, солнцем, и чем-то ещё… её телом, возможно. Или его.

На мгновение весь день застыл – в этом простом, интимном моменте. Она поднялась в спальню, села на край кровати. Медленно сложила простыню вдвое, потом ещё снова. И подумала: а если бы она написала об этом? О том, как всё началось – дом, жара, яблоки, мечта выйти в сад обнажённой. Не как вызов, а как разрешение самой себе. Просто быть. Просто дышать. Почему бы нет?

Она достала свой планшет, который ей иногда годился лишь побродить по интернету, теперь открыла заметки и, чуть затаив дыхание, набрала первую строчку:

«Не бойтесь себя и своих желаний…
Бойтесь утонуть в рутине будней.
Бойтесь потерять себя за ежедневными ритуалами
– якобы вашей обычной жизни.»

Они поехали за продуктами ближе к полудню, когда жара уже заполняла улицы, и начала выжигать асфальт, и даже в тени казалось, что воздух чуть подрагивает. Магазин они выбрали не по удобству, а по спокойствию – тот самый, затерянный среди коммерческих кварталов, где днём в субботу почти нет людей, и никто не торопится. Там закупаются в будни, а сегодня

чудаки случайно оказавшиеся тут. Цены выше, выбор меньше – но зато никто не толкается, не стоит в очередях, и можно идти медленно, не оборачиваясь на чужие взгляды.

Они вынуждены были одеться. Но Ирина лишь надела лёгкий льняной сарафан, тот самый, на пуговицах спереди, который всегда казался чуть детским и чуть вызывающим. Ни лифчика, ни трусиков, лишь цепочка с маленьким блестящим камушком, подарок Андрея. Только платье и ветер, что возможно захочет с неё затеять игру. Он – в свободных хлопковых шортах, сандалиях и тонкой рубашке, не заправленной, не застёгнутой до конца. И да – он тоже не надел трусы, в такой день, в такую жару, это всё – пустое. Лишь некий условный символ, а не необходимость.

Дорога заняла минут двадцать, но они уже давно не считали время. Ирина сидела рядом, ноги на сиденье, повернутая к нему, и будто бы случайно – играла с пуговицами сарафана. Сначала – расстегнула одну внизу, потом ещё две чуть повыше. Когда он посмотрел туда – она даже не отвела стеснительно глаз. Наоборот. Её губы дрогнули в лёгкой улыбке. Она не дразнила, но она приглашала его в новую игру.

Он не говорил ни слова, но его рука легла на её колено. Осталась там. Мягко скользнула чуть выше. Она не остановила его. Даже подалась навстречу. От этого касания в животе закружилось, захмелело все в ней. Пошло тепло, как будто она снова стала той девушкой, что в первый раз едва держала себя в руках от желания. Ирина посмотрела в окно на щелкающие дома и проулки, почти притворно равнодушно, но сердце билось быстрее.

В магазине они почти не разговаривали. Обменивались взглядами – короткими, тёплыми, будто соучастниками тайного заговора. Он бродил меж полок, выбирал фрукты, проверял помидоры на упругость. Она – задерживалась у сыров, с интересом разглядывала упаковки, но на самом деле всё её внимание было направлено на него. Или, скорее, на ту игру, что она начала ещё в машине.

Когда они оставались одни в ряду полок с продуктами, она позволяла себе чуть больше. Приподнимала край сарафана на бёдрах, будто поправляя, будто от жары. Андрею не нужно было показать, что под тонкой тканью у неё не было ничего. Ни белья, ни стеснения.

Он это должен был знать и помнить, чтобы смотреть и не отрываться от неё. Игра. Всё волшебно и пленительно. Откуда это в ней, как смогло родиться вдруг так спонтанно, может жило где-то в подсознании в желании его любви, в надежде стать иной, совершенно распущенной, дикой и свободной.

Тележка становилась полнее. Ирина остановилась, повернулась к Андрею и присела будто что-то уронила. Присела – неторопливо, с прямой спиной, разведя колени, почти демонстративно. И в тоже время так, просто и естественно, как будто это её привычное движение.

Он замер. Одновременно смущение, восторг, вожделение. Она чувствовала, как он смотрит. Не прячась, не отворачиваясь. А прямо. Влюблённо. Жадно. С благоговением.

Он снова подумал, что это безумие – вот так, среди полок, среди банок и упаковок – ловить такую острую, почти хищную тягу к своей жене. К женщине, с которой прожито больше двадцати лет, у которой есть родинка на левом бедре, которую он, казалось бы, знал наизусть. А вот теперь – снова узнавал. Или впервые видел? Что это?

Ему хотелось её. Здесь, сейчас. Увести у темный уголок, к стене, или к машине, куда угодно. Но они оба знали – это игра. И у неё есть свои правила.

Он только касался её – мимолётно, как бы случайно, в узких проходах между полками. Её локтя. Её талии. Один раз – провёл рукой по спине, чуть ниже, чем следовало бы. Она не отстранилась.

Она расстегнула две верхние пуговицы сарафана, вырез стал глубже. Он увидел, в проеме платья, её соски – напряжённые, будто они тоже были частью этой игры. Она наклонилась за бутылкой вина – медленно, с подчёркнутой мягкостью движений.

Он почти застонал, но ничего не сказал. Только усмехнулся – и поцеловал её в висок, как бы невзначай.

Они знали: вечер ещё впереди. И всё только начинается.

Уже у кассы, она наклонилась за корзинкой – медленно, будто бы не заметив, как распахнулся подол сарафана, открывая голую кожу бедра. Он стоял рядом и видел всё.

Ехали обратно почти молча. Он не говорил ни слова, но его рука легла на её колено. Осталась там. Мягко скользнула чуть выше. Она не остановила. Только чуть подалась навстречу и просто и легко стала расстёгивать полностью сарафан, все пуговицы. От его касаний в её животе стало приятно тепло, как будто она снова стала той девушкой, что в первый раз едва держала себя в руках от желания. Ирина смотрела в окно, притворно равнодушно, но сердце билось быстрее.

Домой они вернулись почти в молчании. Как будто между ними было что-то сказано – но не словами. Лишь перешёптывания тел, жара их взглядов, и это напряжение между ними, сладкое и зовущее.

Как только дверь захлопнулась за их спинами, они сбросили всё. Буквально. Сандалии – в сторону, рубашка – на пол, сарафан – с плеч, скользнул по телу. Ни стеснения, ни усталости. Только облегчение. Как будто вся эта одежда – была ненужной оболочкой. И вот они снова были – они. Открытые. Легкие. Свои.

Он посмотрел на неё. Она улыбнулась. – Вот теперь – можно дышать. – Да, – сказал он. – А теперь – можно жить. Может прямо сейчас.

– Давай дождемся вечера!

Снова дом. Она готовила еду, обед – или ужин, что-то простое, горячее. Он помогал, но больше просто любовался ею.

Иногда дотрагивался – до плеча, до локтя, до её поясницы, до её колена, до изгиба бедра. До всего, до чего мог дотянуться одной рукой, потому что в другой подавал ей тарелку, или придерживал крышку, подливал воду. Кожа её была тёплая, живая, в ней жило дыхание. Она двигалась легко и точно, даже когда тёрла морковь или всыпала крупу в кастрюлю – как будто не готовила еду, а исполняла танец. Он наклонялся, касался её губами – мимоходом, шутливо, не мешая. Она смеялась, иногда отодвигалась, иногда наоборот – задерживалась рядом дольше, чем требовала необходимость.

Они готовили и в доме пахло теплом, чесноком, сливочным маслом. Он вроде бы помогал, но по правде – просто был рядом, любовался. Следил за её движениями, за тем, как она крошит, переворачивает, подаёт. Лёгкая прядь всё время спадала ей на щёку, и она сдувала её, не замечая.

Она наклонилась – вроде бы просто за салфеткой, что соскользнула с края стола, – но сделала это нарочно медленно, будто бы не замечая, что вся её нежная промежность открылась ему и линия спины, плавный изгиб талии, нагие бёдра. Невозможно что-то скрыть в таком положении. Он видел и любовался её телом. Время остановилось. Её движение было рассчитано, лёгкое, почти театральное, как у актрисы на сцене, играющей роль невинной рассеянности. Он почувствовал, как его дыхание сбилось – то ли от жара, то ли от той острой радости, которая приходит, когда женщина, твоя женщина, играя перед тобой, остаётся совершенно непредсказуемой. Взрослой. Дерзкой. И ты словно видишь её в первый раз в своей жизни.

Она распрямилась, как ни в чём не бывало, слегка поправила волосы, улыбнулась:

– Что ты там замер?

– Просто… – Он сглотнул, не зная, как закончить фразу. – Я подумал, что ужин будет особенно красив сегодня.

– Возможно, – ответила она, не глядя. – Но только если ты не будешь торопиться что-то проглотить раньше времени.

Он усмехнулся, словно отвлекая себя от этого зрелища. Он чувствовал себя зрителем сериала, которого дразнят следующей серией, не отпускают, обещая скорое продолжение.

Он знал, что она делает это специально для него и абсолютно нарочно. Она поднимала руки, потянувшись к верхнему шкафу за бокалами, чуть выгибаясь, демонстрируя свою грудь, не заботясь о возбужденных сосках, затвердевшие от самого воздуха, пропитанного ароматом масла и пряностей. Всё в ней было подано, как на подносе медленного ожидания – и он, как загипнотизированный, ловил каждое её движение, будто смотрел немой фильм, снятый только для него.

В какой-то момент она повернулась боком к плите, присела, чтобы достать что-то с нижней полки. Её колени разошлись, бедро легло на пятку, а ягодицы обнажились так открыто, так бесстыдно и невинно одновременно, что у него внутри что-то затрепетало. Она вновь медлила, не торопилась, и будто невзначай бросила через плечо:

– Ты снова смотришь?

– Я даже не знаю, как перестать, – прошептал он.

Она выпрямилась, слегка качнув бёдрами, провела пальцем по обнажённому животу, а потом – по ложке, опустившейся в кастрюлю. Он видел, как она облизывает его ужин. Как она облизывает его желание.

Всё внутри него сжалось. Он знал, что вечер ещё не настал. Что они договорились. Что эта игра – их новое кино с медленным возгоранием. Но в этот момент ему хотелось нарушить все договорённости.

Она не обернулась. Просто сказала:

– Ты ведь знаешь, что я всё вижу. Даже спиной.

Андрей ушёл в другую комнату, не в силах даже не оглянуться. Небольшой жар остался в груди, лёгкое сладостное напряжение – такое сладкое, как в предвкушении музыки, которая вот-вот начнётся.

Он хотел устроится за компьютером, но мысли блуждали, соскальзывая обратно в кухню, к её спине, к бёдрам, к изгибу тела, который не давал покоя. И к ужину. И ко всему, что будет после него.

Он спустился в абштельраум, где стены сохраняли запах старых вещей и картона. Там было прохладно, но не зябко – тело легко подстраивалось к этому полумраку, к шершавому бетону, к ощущению «мужской» работы. Старые полки действительно пора разобрать: одна накренивалась, другая давно немного обвисла, они требовали радикальной переделки – и это его вдохновляло.

Он был совершенно голый – и в этом было что-то первобытно-естественное. Как будто сама плоть становилась инструментом, не нуждающимся в прикрытии. Тело работало – нагибалось, поднимало, тянулось. Ничто не мешало движению. Он чувствовал, как кожа отзывается на усилие, как пот тонкой плёнкой проступает между лопатками, как напряжённые мускулы говорят с деревом, металлом, пространством.

На миг он вспомнил старую картину увиденную им как-то случайно на чей-то странице в соц сетях – «Ной строит ковчег с сыновьями». Там Ной был совсем обнажен. Художник стыдливо прикрыл его, как того наверно требовал академизм исполнения библейских канонов. В этом было, как на том холсте, что-то родственное: простой труд, извечная миссия от которой не избавится, совершенное голое тело созданное для творения и для спасения.

Я не хочу, чтобы меня прикрывали разными тряпками, ни художники, ни потомки. Пусть всё будет так, как есть. Он, его голое естественное тело со всеми атрибутами, единое неделимое, дерево, пыль, стружка, молоток, топор. Явное выраженное желание сделать своими руками то, что тебя переживет.

Он замер на минуту, прикинул в уме длину новой полки, пошёл за рулеткой. Потом вернулся, сел на корточки, подперев подбородок, и вдруг усмехнулся.

Где-то рядом – Ирина совершенно голая, варит снадобье их любви, их ужин. Она занята пищей, возможно, как раз теперь добавляет пряности в их ужин. Она там Ева, первая и единственная, а он здесь – почти как Адам до всех правил, до всех одежд, до всех запретов.

И всё это правильно и совершенно естественно.

Он как раз вглядывался глазами в стенку в поисках подходящего места под новое отверстие для кронштейнов, когда услышал лёгкий звук шагов. Не сразу различимый – будто само время на миг нарушилось и вошло к нему босиком, без стука.

– Прости, – прозвучал голос. – У нас закончилась мука. Ты не видел, где осталась ещё одна пачка? Я точно её спускала…

Он обернулся – и увидел её. В свете из приоткрытой двери её кожа казалась ещё светлее, почти мерцала на фоне бетона. Голая жена лишь с мягкой улыбки на губах. Волосы были чуть растрёпанны, как после ветра, и в этом была особая высокая красота счастья и дома. Она близкая, родная на секунду замерла, оглядела полки, хаос, инструменты – и его самого.

– Ты так серьёзен, – сказала она, подходя ближе.

Он не ответил. Просто смотрел, как она приближается. В руках у неё была пустая банка для муки. Но он не думал о муке. Он видел её шею, ключицы, лёгкое колебание бедра при каждом шаге.

– Вот здесь, – он кивнул в сторону старого ящика. – Посмотри. Кажется, оставалась…

Она наклонилась к полке, начала искать, и в этот момент одной рукой обратилась к нему – легчайшее касание ладони к его пояснице, игривое, как будто случайное. Но он знал, что это не случай. Тёплые пальцы прошлись вдоль позвоночника, и всё тело, как по команде, ответило – едва заметной дрожью, мурашками, что прокатились вниз по спине, к копчику, затем вверх, к затылку. Она шутя дотронулась до его пениса, как бы случайно немного подержала его в руке, словно имя опору.

– Вот она, – сказала она, найдя пачку. – Не сильно тут задерживайся скоро ужин будет. На кухне, не хочется в гостиной, давай по простому. Мы же одни.

Он смотрел, как она уходит. Даже не столько глазами, сколько полностью всем, что он есть сейчас – телом, кожей, дыханием, предчувствием. Конечно они одни. И это здорово.

Андрей выдохнул, как после сильного ветра.

Снова остался один, в полутемном закутке подсобного помещения, со своими мыслями о размерах полок, стен, границ мира и сознания. Только теперь всё это – под знаком её прикосновения. И под знаком приближающегося вечера.

Он глядел на старые полки, как генерал оглядывает свои уставшие, но верные отряды перед расформированием. Всё в них было неправильно – и высота, и глубина, и сами доски, перекошенные от времени и влажности. Но самое главное – ящики. Те самые, которые всё это время пылились без пользы, мешались, прятали в себе забытые вещи и забытые решения. Он выдвинул один, потом второй. Поднял крышку – тряпки, шнуры, обломки старых крючков, какие-то железки от уже не существующей мебели. Старые компьютерные платы, детали, диски с программами, с данными.

Сначала он хотел просто выкинуть всё. Но рука сама по себе замедлилась, начала разбирать – здесь шурупы, тут петли, там кое-что от велосипеда. А вдруг пригодится. Всегда есть этот «вдруг» – невидимый союзник всех домашних кладовок.

Он вытащил несколько ящиков, поднял их наверх, в бывшую спальню сына, там, теперь будет его кабинет. Это казалось ему правильным: на этой стороне дома, света. Он уже представлял себе стол, книги, лампу и одинокий вечер, когда он останется здесь один – писать, думать, чертить, просто молчать. Словно мужская тихая гавань.

Другие коробки с продуктами и химией он поставил в углу. Остальное, что снял с полок, сложил рядом со шкафом котла их отопительного агрегата – аккуратно, так, чтобы потом было легче сортировать.

Они ещё решили, что спальня дочери станет гостевой, но не сразу. Всё – постепенно. Комната за комнатой. Дело за делом. Главное – не останавливаться. Вот руки дошли до полок – уже хорошо. Он чувствовал, как в теле отзывается простая усталость, но в ней было что-то мужское, верное, правильное. Голый, он двигался свободно, точно каждый его шаг имел смысл и вес. Воздух скользил по коже, по пояснице, по плечам, как тёплая вода.

Он посмотрел на ладони. Слегка в пыли, с занозой на большом пальце. Улыбнулся. Сегодня он живёт. Сегодня он делает.

Они решили есть на кухне, не утруждая себя сервировкой. Всё уже было разложено: козий сыр, оливки, свежий тёплый багет, в стеклянной миске – салат из помидоров с базиликом и тёплым маслом. Ещё – простое белое вино, уже немного подогретое комнатой, но от этого только мягче на вкус.

Ирина налила по половине бокала, коснулась его плеча – едва, как будто по ошибке. Он, не глядя, поймал её запястье и поцеловал внутреннюю сторону, на миг дольше, чем надо. Это был не жест, а ответ. Обещание.

Они ели медленно, почти молча. Не потому что не о чем было говорить, а потому что их тела разговаривали сами. Когда она потянулась за кусочком сыра, он увидел изгиб её груди и задержался взглядом – уже не из вежливости, а с восхищением, с вожделением, в котором больше благодарности, чем желания.

Она сидела на краю стула, одна нога согнута, другая вытянута. Её кожа казалась сливочной в этом мягком, вечернем свете. Он чувствовал, как дыхание становится тяжелее от одного только взгляда на неё – так, как бывает, когда знаешь: за этими минутами будет всё, чего ты ждал.

Он подал ей кусочек хлеба – на ладони, как птице. Она улыбнулась, прикусила его прямо с руки, легко, почти невинно. Но всё это была уже игра. Их игра. Прелюдия длиной в день.

Вино кончалось. Свет становился всё тише. Они уже почти не ели. Только смотрели, касались плеч, губ, пальцев. Переход от еды к прикосновению был почти незаметен. Как будто вся трапеза была не ради сытости, а ради того, чтобы приблизиться, не пугая момент. Он встал, подошёл, провёл рукой по её спине – от шеи до копчика. Она чуть выгнулась, как кошка, прижалась затылком к его животу.

– Пойдём? – спросил он.

– Нет… – прошептала она. – Подожди. Ещё чуть-чуть. Я хочу смотреть на тебя, как ты пьёшь вино. А потом уже всё остальное.

Из книги Ирины Ф. «Раздеться до чувства»

Очень краткое предисловие

Эта книга родилась, как потребность высказать себя, отдать собственный опыт тем, кому он пригодиться, кому он покажется спасеньем свое мира, тепла очага, семьи.

Я начала её писать в тот момент, когда почувствовала, что нам стало немного лучше. Не просто телесно, не просто легко – а по-настоящему лучше, будто мы наконец отдохнули друг в друге от всего прежнего.

Это не руководство, не методика, не терапия. И, честно говоря, я не уверена, что это «работает» в каком-то чисто техническом смысле. Всё, о чём я рассказываю, случилось со мной, и я не притворяюсь, что знаю, как «надо». Но я знаю, как это можно.

Некоторые главы возможно покажутся вам слишком личными. Я оставила их. Потому что иначе не получилось бы сказать ничего важного.

Быть может, вы прочитаете – и решите, что это не про вас. Это нормально. Но если хоть одна строка заставит вас остановиться, глубже вдохнуть, почувствовать друг друга в новом качестве – значит, я не зря села писать.

***«Раздеться до чувства»** – звучит просто, даже чуть дерзко. Но за этой фразой мой путь, целая дорога. И не столько к телу, сколько к доверию, принятию, влечению.*

Мы привыкли думать, что раздеться – это про наготу, про бесстыжесть, про смелость. Но в моём опыте это оказалось про что-то куда большее: про возможность быть с собой и совершенно честной перед собой. Без одежды – в прямом и переносном смысле. Я говорю о том моменте, когда ты перестаёшь втягивать живот, прятать морщинки, выбирать «правильные» позы. Когда ты перестаёшь подбирать слова, чтобы казаться удобной. Когда твой партнёр видит тебя такой, какая ты есть – и не отводит взгляд, и ты сама не отводишь.

В моей жизни был день, который всё изменил. Мы с мужем сделали то, что никогда раньше не решались: были дома целый день без одежды. Не потому что жара, а потому что вдруг захотели проверить – что будет, если позволить себе быть просто телами, дышащими, двигающимися, живыми. Мы готовили, пили чай, ухаживали за цветами, смеялись, касались друг друга. И в этом простом – было что-то новое, что-то, что мы потеряли за годы быта: интерес, азарт, удивление. Я поймала себя на том, что впервые за долгое время смотрю на него как на мужчину, а он – на меня как на женщину, а не как на привычный одетый силуэт в доме.

Почему это работает?

Потому что обнажение – это не про сексуальность в чистом виде, а про обострённое внимание. Когда нет ткани между вами, всё становится более заметным: жесты, движения, дыхание, взгляды. Вы видите друг друга иначе, почти как впервые. И в этой уязвимости рождается доверие. А доверие – основа влечения.

Важно сказать: это путь не для всех и не для любой пары. Здесь нужно внутреннее согласие обоих, принятие своего тела и тела другого в его реальности, без границ и предрасудков. Это может быть непросто: мы живём в мире, где нас учат любить себя только в «отредактированном» виде. Но если вы решитесь, вы можете обнаружить, что с возрастом тело не становится помехой любви, а наоборот – делает её глубже, мудрее, теплее.

Для меня этот опыт стал выбором свободы – и ключом к «второй весне» наших отношений. Мы открыли двери, за которыми ждали тепло, любопытство и нежность, как будто мы встретились заново.

Искренне, ваша Ирина.

И не бойтесь себя и своих желаний…

Бойтесь утонуть в рутине будней.

Бойтесь потерять себя за ежедневными ритуалами – якобы вашей обычной жизни.

Не начинайте с разговоров. Ни один разговор не поможет, если ваше и тело вашего партнера не готово. Ни одно слово не спасёт, если взгляд – пуст. Начните с прикосновения. Но не того, которое требует или берёт. А того, что предлагает.

Касание, которое как бы говорит: «Я рядом, если ты хочешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.